Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 16–27.
Magistra Vitae. 2026;11(2):16-27.

Научная статья

УДК 94(41/99):316.34

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-16-27

Национально-культурная идентичность и этническое разнообразие в контексте конституционных изменений в Великобритании на рубеже XX–XXI вв.

Ирина Евгеньевна Напалкова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, nair183@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2118-8626

Аннотация. В статье поднимается проблема соотношения гражданской (британской) и этнокультурных (английской, шотландской, валлийской, североирландской) идентичностей подданных Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии в связи с конституционной реформой рубежа XX–XXI веков. Автор формулирует три исследовательских вопроса: как в политическом дискурсе конкурировали концепты «британскости», «английскости» и мультикультурализма; какова динамика локальных идентичностей в кельтских регионах по данным переписей и социологических опросов; в какой степени передача законодательных полномочий регионам повлияла на трансформацию идентичности. В статье разграничиваются понятия гражданской идентичности, этнической идентичности и локальной региональной идентичности. Рассмотрены основные теоретические подходы, сложившиеся в британской общественной мысли, а также их исторический контекст. Эти подходы связаны с дебатами о значении ключевых терминов, характеризующих принадлежность к нации и государству, а также с влиянием этнического разнообразия на коллективное самосознание. Они нашли отражение в политике ведущих британских партий — консерваторов и лейбористов — в XX веке. На основе данных национальных статистических служб, результатов переписей населения, проводившихся в XXI веке, а также материалов социологических опросов анализируется динамика идентичностей в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии. Выявлены три основных тренда: устойчивый рост доли жителей Шотландии, идентифицирующих себя исключительно как шотландцы; стабильно высокий уровень валлийской идентичности при отсутствии сопоставимого политического сепаратизма; постепенная эрозия исключительно британской идентичности в Англии. Сравнительный анализ показывает неоднородность кельтского национализма: политизированный в Шотландии, культурный в Уэльсе, конфессионально расколотый в Северной Ирландии. Автор приходит к выводу, что конституционная реформа смягчила политические противоречия между центром и регионами, но не устранила глубинных этнокультурных различий. Финансовая зависимость регионов от Лондона остаётся главным сдерживающим фактором, однако рост локальных идентичностей свидетельствует о долгосрочных вызовах для модели «единства в разнообразии». Особый интерес представляет анализ данных переписей последних двух десятилетий, который позволяет проследить трансформацию традиционных моделей коллективной идентичности в полиэтническом обществе.

Ключевые слова: Великобритания, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, английскость, британскость, мультикультурализм, национальная идентичность, кельтские регионы

Для цитирования: Напалкова И. Е. Национально-культурная идентичность и этническое разнообразие в контексте конституционных изменений в Великобритании на рубеже XX–XXI вв. // Magistra Vitae. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 16–27. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/46-magistra-vitae-2-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-16-27

© Напалкова И. Е., 2026

Original article

https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-16-27

National and cultural identity and ethnic diversity in the context of constitutional changes in the UK at the turn of the 20th and 21st centuries

Irina E. Napalkova

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, nair183@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2118-8626

Abstract. The article addresses the problem of the relationship between civic (British) and ethnocultural (English, Scottish, Welsh, Northern Irish) identities of the citizens of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland in the context of constitutional reform at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. The author formulates three research questions: how the concepts of "Britishness", "Englishness" and multiculturalism competed in political discourse; what the dynamics of local identities in the Celtic regions are according to census and sociological survey data; and to what extent the devolution of legislative powers to the regions has influenced the transformation of identity. The article distinguishes between the concepts of civic identity, ethnic identity and local regional identity. The research examines the main theoretical approaches that have developed in British social thought, as well as their historical context. These approaches are linked to debates about the meaning of key terms characterizing the belonging to a nation and a state, as well as to the influence of ethnic diversity on collective self-awareness. They were reflected in the policies of the leading British parties — the Conservatives and Labour — in the twentieth century. Based on data from national statistical services, census results conducted in the twenty-first century, and sociological survey materials, the work analyzes the dynamics of identities in Scotland, Wales and Northern Ireland. Three main trends are identified: a steady increase in the proportion of Scottish residents identifying exclusively as Scots; a consistently high level of Welsh identity in the absence of comparable political separatism; and a gradual erosion of exclusively British identity in England. The comparative analysis reveals the heterogeneity of Celtic nationalism: politicized in Scotland, cultural in Wales, and confessionally divided in Northern Ireland. The author concludes that constitutional reform has eased political contradictions between the centre and the regions but has not eliminated deep-seated ethnocultural differences. The financial dependence of the regions on London remains the main restraining factor; however, the growth of local identities indicates long-term challenges to the model of "unity in diversity". The analysis of census data from the last two decades is of particular interest, which allows tracing the transformation of traditional models of collective identity in a multi-ethnic society.

Keywords: United Kingdom, Scotland, Wales, Northern Ireland, Englishness, Britishness, multiculturalism, national identity, Celtic regions

For citation: Napalkova IE. National and cultural identity and ethnic diversity in the context of constitutional changes in the UK at the turn of the 20th and 21st centuries. *Magistra Vitae*. 2026;11(2):16-27. URL: https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/46-magistra-vitae-2-2026.html https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2026-11-2-16-27

Введение

Содержание, вкладываемое в понятие «национальная идентичность», многослойно и запутанно, даже среди современных исследователей нет единого подхода к изучению. Поэтому в данной статье предлагается разграничить гражданскую, этническую и локальную составляющие. При многочисленных же опросах подданных Королевства в этом понятии смешиваются государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие. Причём в разные периоды времени, в зависимости от разных обстоятельств, одни могут превалировать над другими. Особенно непрост это вопрос в обществах с полиэтническим населением и с непростым имперским прошлым. Ярким примером такого является Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Вообще диспуты и дебаты о соотношении «английскости» («englishness») и «британскости» («britishness») не новое явление в британской общественно-политической жизни. Периодически вспыхивали они и на протяжении XIX века и в первой половине XX века. Но настоящий бум общественного интереса к этой теме пришёлся на конец XX — начало XXI в. В этот период Королевство переживало масштабную конституционную реформу, связанную с расширением самостоятельности кельтских регионов (Северная Ирландия, Шотландия и Уэльс). Понятие «английскость» предполагает совокупность этнических ориентаций и ценностей, присущих англосаксам, а «британскость» означает определённый конструкт надэтнической (а, следовательно, надрегиональной) и гражданской идентичности. Это

было время, когда происходила глубокая трансформация всей архитектуры международных отношений. Наблюдался значительный рост влияния международных организаций, таких как Европейский Союз, а также интеграционных объединений и форумов (БРИКС, Всемирный экономический форум в Давосе, МАГАТЭ. Параллельно с этим окончательно сформировался глобальный рынок, а внутри ЕС были существенно упрощены визовые процедуры. Эти факторы спровоцировали масштабные миграционные потоки трудоспособного населения и их семей. В результате, уже изначально многонациональное Соединённое Королевство стало ещё более разнообразным в своём этническом и культурном ландшафте. В сфере культуры также наблюдалось стирание традиционных границ: повсеместно распространялась унифицированная массовая культура, а роль средств массовой информации, особенно интернета, значительно возросла. В медиапространстве вновь актуализировался фундаментальный вопрос: «Что значит быть британцем? Достаточно ли родиться на территории Королевства, или же ключевыми являются знание языка, уважение к культурным традициям и соблюдение законодательства?» [Condor S., Gibson S., Abell J, 2006].

Цель данной статьи — ответить на следующие исследовательские вопросы: Как в британском политическом дискурсе конца XX — начала XXI века конкурировали и взаимодействовали концепты «британскости» (гражданская идентичность), «английскости» (этническая идентичность доминирующей нации) и мультикультурализма (идея интеграции этнических меньшинств)? Как изменилась самоидентификация жителей кельтских регионов (Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии) за последние 20 лет по данным переписей и опросов? Привела ли конституционная реформа (деволюция) к ослаблению общебританской идентичности и росту локальных (региональных) идентичностей?

Для корректного анализа необходимо разграничить используемые понятия, следуя исследовательской традиции [McCrone, Bechhofer, 2015]. Под гражданской идентичностью мы понимаем отождествление человека с политическим сообществом на основе признания его институтов, законов и ценностей; в британском контексте таковой является «британскость». Этническая идентичность базируется на общности происхождения, языка, культуры; она характерна для «английскости» как идентичности титульного этноса. Локальная (региональная) идентичность жителей Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии сочетает этнические и территориальные компоненты, но в переписях она представлена в рубрике «национальная идентичность» наряду с британской. В данной статье мы следуем операционализации, принятой в источниках статистических данных, но при интерпретации учитываем многомерность идентичности.

Дебаты о «британскости» и «английскости»

Конструкция «британства» долгое время ассоциировалась с идей о британском «единстве в разнообразии», которое рассматривалось как морально и политически превосходящее культурные или расовые установки. Они понимались как характеризующие «континентальные» формы национализма. Наследие такой репрезентативной практики можно найти сегодня в обращениях к британской идентичности в официальной политической риторике, в которой культурное разнообразие представляется как постимперское явление, а также как неотъемлемый аспект «британского» образа жизни. Это, в свою очередь, позволяет как децентрализацию, так и мультикультурализм представлять как прогрессивные исторические события. При этом с исторической точки зрения период более или менее однородности британской идентичности был ограничен относительно коротким периодом. Он длился с викторианской эпохи имперского расширения до последствий Второй мировой войны.

Вообще тот факт, что политики, представляющие разные политические силы, нередко обращаются к вопросу о национально-культурной идентичности и мультикультурализме, свидетельствует о том, что статус британской идентичности как концепции до сих пор является оспариваемым. Консерваторы традиционно склонялись к выстраиванию идентичности вокруг «английскости», за что подвергались критике со стороны лейбористов. Даже если в риторике консервативных политиков и проскальзывал термин «британец», то они подразумевали именно фундаментальные ценности англичан как этно-национального ядра страны. Напряжение между монокультурными и мультикультурными конструкциями британской идентичности регулярно становится очевидным в ходе политических дебатов.

В целях урегулирования назревавших споров Лейбористская партия предприняла активные шаги по продвижению идеи «четырёх наций», лежащей в основе мультикультурного видения

Великобритании. В рамках этой инициативы была предпринята попытка переосмысления британской истории через призму «деанглизации». Формирование единого мультикультурного сообщества подразумевало не только интеграцию коренных наций Британии, но и включение в него мигрантов разнообразного этнокультурного происхождения. Теоретической базой для такого подхода послужили исследования института «Demos», специализировавшегося на вопросах европейской интеграции. Его представитель, М. Леонард, разработал концепцию «британскости», ориентированную на внешний имидж страны: Великобритания как связующее звено между Америкой и Европой, центр инноваций и островное государство, являющееся «плавильным котлом» для множества этнических групп. [Липкин, 2007, с. 122–124].

Так, например, премьер-министр Великобритании Гордон Браун (2007–2010 гг.) призывал к культурно нейтральной версии британской идентичности: «В то время как Соединённое Королевство всегда было страной разных наций и, следовательно, множественных идентичностей — валлиец может быть валлийцем и британцем точно так же… британец — может быть мусульманином, пакистанцем или афрокарибцем… проблема в том, отступаем ли мы к более эксклюзивным идентичностям, уходящим корнями в концепции крови, расы и территории XIX века, или мы всё ещё можем праздновать британскую идентичность, которая больше, чем сумма её частей, и Союз, который силён из-за ценностей, которые мы разделяем, и из-за того, что то, как эти ценности выражаются в нашей истории и наших институтах»[1].

Ещё одним примером может служить реакция на призывы Дэвида Бланкетта (тогдашнего министра внутренних дел Великобритании) к инклюзивному пониманию британской идентичности после «расовых беспорядков» 2001 года (серии гражданских беспорядков между белыми и «азиатами» — в основном молодыми людьми пакистанского и бангладешского происхождения — в трёх городах на севере Англии). С одной стороны, призыв Бланкетта был отвергнут такими людьми, как лорд Теббит, которые возражали против того, что они считали культурно пустым понятием британской идентичности как «просто» конституционным патриотизмом. С другой стороны, возражения были высказаны теми, кто интерпретировал это как предписывающее указание для людей из этнических меньшинств — и в частности для мусульманских общин — ассимилироваться в доминирующий британский образ жизни.

Конституционная реформа (деволюция) и её влияние на региональные идентичности

Несмотря на все усилия политиков создать мультикультурную общность в Британии никак не удаётся. Более того, на рубеже XX–XXI веков вновь обострилась проблема «кельтских регионов» (Северная Ирландия, Шотландия и Уэльс). Первый серьёзный «всплеск» национализма и национального терроризма произошёл ещё в 1960–1970-е гг., тогда для решения возникшего кризиса были приложены большие усилия. Например, в Северную Ирландию были введены войска и режим прямого управления из Лондона. Достаточно успешный опыт деволюции в Испании и политики регионализации во Франции подтолкнул британских политиков к мысли о необходимости проведения конституционной реформы. Со второй половины 90-х гг. XX века с приходом к власти Лейбористской партии во главе с Э. Блэром был дан старт региональной реформе Соединённого Королевства. Первые 15 лет реформ принесли положительные результаты. Местные ассамблеи и правительства заработали, теракты прекратились, националистические организации сложили оружие. Однако проблема усиления местной национально-культурной идентичности окончательно не исчезла. Регулярные опросы местного населения подтверждали, что жители кельтских районов идентифицируют чаще всего себя в первую очередь именно через локальную идентичность, а во вторую очередь через «британкость».

Вообще социологические опросы стали регулярно проводиться с самого начала региональной реформы. На основе анализа их результатов ведущими социологами, политологами и историками составляются ежегодные отчёты. Одним из таких стало «Исследование социальных установок» от NatCen Social Research (BSA), проводимое ежегодно с применением одной и той же методики. Опрос включает в себя практически неизменные вопросы о национальной идентичности и об отношении к тому, как следует организовать работу исполнительной власти. Для Шотландии было организовано отдельное исследование от NatCen — «Scottish Social Attitudes

[1] Gordon Brown's speech (part 1), 2004. URL: https://www.theguardian.com/politics/2004/jul/08/uk.labour1 (дата обращения: 05.06.2026).

Survey» (SSA). Наиболее показательными в этом отношении являются данные за первое десятилетие 2000-х годов, поскольку в последующие годы опросы проводились либо по телефону, либо в интернете, поэтому данные после 2010 г. несопоставимы с предыдущим периодом, и любые сравнения должны учитывать этот методологический разрыв. Одна из трудностей в интерпретации данных опросов заключается, конечно, в проблеме понимания того, насколько возможно оценить нюансы само- и национального представления по ответам на один элемент опроса. Например, человек, выбравший «шотландец» в переписи, при интервью может сказать, что чувствует себя «скорее шотландцем, но в политическом плане — британцем». Опрос не фиксирует это различие между культурной и политической идентичностью. Недавние данные предполагают, что социальные идентичности в целом могут быть лучше определены как многомерные конструкции (включая такие потенциально различимые элементы, как самопознание, эмоциональная привязанность, центральность и солидарность). Немалую роль в этом играет и языковой вопрос. Прежде чем перейти к анализу конкретных цифр, необходимо сделать несколько методологических оговорок, ограничивающих интерпретацию данных.

Во-первых, ответы на вопросы о национальной идентичности зависят от способа проведения опроса. Как показали исследования [Sturgis et al., 2014], респонденты склонны давать более «социально желательные» ответы при личном интервью (чаще выбирая «британца») и более «искренние» — при анонимном онлайн-анкетировании (чаще выбирая локальную идентичность). Перепись 2021 года, проводившаяся преимущественно онлайн, могла зафиксировать более высокий уровень «чисто шотландской» идентичности по сравнению с 2011 годом не только из-за реальных изменений, но и из-за смены метода.

Во-вторых, формулировки вопросов и набор вариантов ответов в разных опросах и переписях различаются. Перепись 2001 года не позволяла жителям Уэльса выбрать «валлиец» напрямую — нужно было отметить «другое» и вписать. Это, очевидно, занижало официальную долю валлийской идентичности по сравнению с 2011 годом, где такая опция появилась. Аналогично, в переписи 2021 года впервые появилась возможность указать «корнуоллец» (хотя и через поле «другое»), что объясняет резкий рост этой идентичности.

В-третьих, национальная идентичность многомерна. Один и тот же человек может в разной степени идентифицировать себя с несколькими общностями. Исследователи [McCrone, Bechhofer, 2015] выделяют такие измерения, как самокатегоризация («кем вы себя считаете?»), эмоциональная привязанность («насколько вы гордитесь тем, что вы шотландец?»), центральность («насколько это важно для вашей самооценки?»). Опросы и переписи, как правило, измеряют только первый аспект, что даёт упрощённую картину.

С учётом этих ограничений приведённые ниже данные следует интерпретировать как ориентировочные тренды, а не абсолютные измерения.

Динамика национальной и этнической идентичности на рубеже столетий

В указанный период значительная часть научного сообщества выражала скептицизм относительно жизнеспособности формирования британской идентичности на базе мультиэтнического общества. В частности, К. Брянт в своём труде «Нации Британии» высказывал мнение, что «эпоха единой Британии, учитывая ярко выраженные различия Англии, Шотландии и Уэльса в вопросах национальной самобытности, этнического состава, экономических приоритетов, политических убеждений и культурных традиций, подходит к концу» [Bryant, 2010, pp. 23–44].

Между тем анализ статистики NatCen не оправдывал столь мрачных прогнозов. Так, с 1999 по 2009 г. количество тех, кто считал себя «больше англичанами, нежели британцами», в Англии увеличилось всего на 2 % (с 14 до 16 %). Число тех, кто считал себя «в равной степени англичанами и британцами», в этот период колебалось между 31 и 42 % (37 % в 1999 г., 42 % в 2001 г., 31 % в 2003 г., 41 % в 2008 г. и 33 % в 2009 г.) Похожие данные получены и в результате опросов в Шотландии. В 1997 г. «шотландцами, но не британцами» считали себя 23 % жителей, в 1999 г. — 32 %, в 2009 г. — 27 % и в 2011 г. — 31 %. «В большей степени шотландцами, чем британцами» в 1997 г. назвали себя 38 % опрошенных, в 1999 г. — 35 %, в 2009 г. — 31 % и в 2011 г. — 34 %. Эти незначительные колебания не оправдывали опасения тех исследователей, которые видели в процессе деволюции прямую дорогу к политизации идентичности. Разброс значений по годам может объясняться не только реальными изменениями, но и статистической погрешностью, а также контекстом — например, ростом евроскептицизма в отдельные годы

В докладе Комиссии по будущему мультиэтнической Британии, опубликованном в 2000 году под председательством Бхикху Парекха, была выдвинута гипотеза о том, что британская идентичность (концепция «британскости») исторически формировалась на основе глубоко расистских предпосылок [Parekh, 2000]. В тот же период времени очередной раз переиздаётся фундаментальный труд североамериканского исследователя Майкла Хечтера «Внутренний колониализм» (1975). В этой работе он детально исследовал динамику взаимоотношений между кельтскими регионами и центральным правительством Великобритании в периоды Нового и новейшего времени. Хечтер приходит к заключению, что начиная с конца XVIII века в Великобритании активно внедрялась модель социально-экономического развития, которую он обозначил как «внутренний колониализм». Согласно этой концепции, при наличии полиэтнического состава страны центральная власть в «ядре» целенаправленно формирует многоотраслевую индустриальную экономику. В то же время развитие «периферии» (кельтских областей) оказывается зависимым, управляемым из «ядра», и способно лишь дополнять его экономическую систему. Это приводит к формированию экономической зависимости периферийных территорий, где уровень накопления общественного богатства значительно отстаёт от центра. В условиях таких диспропорций, «этническая самоидентификация» приобретает первостепенное значение, а культурная конвергенция между ядром и периферией не состоялась и, по всей видимости, не предвидится в ближайшей перспективе [Hechter, 1999].

В первые два десятилетия XX века выходят сразу несколько заслуживающих внимания работ по тематике национальной и этнической идентичности жителей Британии. Например: «Этническая идентичность и неравенство в Британии» и «Осмысляя национальную идентичность» [Jivraj, Simpson, 2015; McCrone, Bechhofer, 2015]. При сходстве проблематики работ британское общество рассматривалось в них с различных позиций. В частности, Д. МакКроун и Ф. Бекхофер фокусируются на соотношении британской, английской и шотландской идентичностей. Их анализ, основанный на статистике и многочисленных интервью, приводит к выводу: национальная идентичность — это не просто символ, а неотъемлемая часть повседневной жизни и действий. Интервью показывают, что самоопределение как британец, англичанин, валлиец или шотландец может иметь разное значение в различных ситуациях, но для большинства респондентов эти представления, безусловно, важны. Так, среди предложенных в анкете вариантов (родитель, супруг, пол, возраст, конфессия и т.п.), национальная идентичность была названа одной из трёх наиболее значимых характеристик 45 % шотландцев, 33 % валлийцев и 20 % англичан [McCrone, Bechhofer, 2015].

Тенденции, связанные с притоком в страну представителей других культур, стали предметом изучения коллектива авторов под руководством С. Дживрая и Л. Симпсона. Необходимо отметить, что возросшая в начале XXI века иммиграция привела к существенным изменениям в структуре британского общества. При этом опора исключительно на концепцию мультикультурализма была подвергнута обоснованной критике. В стране наблюдается рост ксенофобии у коренного населения и тенденция к внутренней дезинтеграции регионов. Масштаб иммиграции легко иллюстрируется тем, что Великобритания сейчас занимает третье место в Европе по количеству прибывших [Jivraj, Simpson (ed.), 2015].

Партиям консерваторов и лейбористов, на протяжении многих лет удерживающим лидерство на парламентских выборах, пришлось считаться с возрастающей конкуренцией со стороны оппонентов, которые в своих предвыборных программах ориентировались как раз на новые или усиливающиеся линии размежевания. Например, за ужесточение иммиграционной политики и выход из Европейского союза выступала Партия независимости Соединённого Королевства (United Kingdom Independent Party, UKIP). Подобных же взглядов придерживался и Национальный Фронт (NF). По мнению ряда аналитиков, всплеск активности правых движений в Западной Европе был естественной реакцией на растущее социокультурное и политическое влияние мигрантских сообществ. Это явное стремление выступить против модели мультикультурного общества, где принципы толерантности, свободы и плюрализма, как утверждается, привели к тому, что коренное население оказалось в положении меньшинства на своей родине.

В это время в Шотландии вновь набирает силу движение за отделение (сецессию) от Соединённого Королевства. Лидирующую роль в этом

процессе играет Шотландская национальная партия (Scottish National Party, SNP-ШНП), для которой обретение независимости является основополагающей идеей с момента её основания. Партия начала завоёвывать симпатии избирателей в 1970-е годы, а в 2007 году впервые получила большинство в шотландском парламенте (Холируде), где и остаётся до сих пор. В 2009 году ШНП выпустила Белую книгу «Ваша Шотландия, Ваш Голос», где было представлено несколько вариантов реформы — от широкой деволюции до окончательной независимости. После чего ШНП инициировала переговоры с британским правительством о процедуре проведении референдума по вопросу независимости региона. В октябре 2012 года, после напряжённых переговоров, было подписано Эдинбургское соглашение. Оно установило срок проведения референдума о статусе Шотландии — не позднее конца 2014 года. Вопрос на голосовании должен был быть сформулирован так, чтобы исключить двоякое толкование.

В октябре 2011 года, в период активных дискуссий вокруг предстоящего референдума о суверенитете Шотландии, издание Guardian инициировало онлайн-исследование среди своей аудитории. Основной задачей было определить самоидентификацию населения различных регионов Британских островов и оценить степень их приверженности идее британского единства. Участникам предлагалось указать место жительства и выбрать флаг, символизирующий их национальную принадлежность. Наибольшая группа респондентов (6594 человека) идентифицировала себя с Великобританией, однако их доля составила менее половины от общего числа опрошенных. Значительно большее количество участников (8948 человек) продемонстрировали более выраженную национальную идентичность. Наиболее сильное национальное самосознание было зафиксировано среди жителей Уэльса и Шотландии, хотя и в этих регионах присутствовали сторонники британского единства. Большинство проживающих в Северной Ирландии ощущали себя преимущественно ирландцами. При этом их идентичность оказалась менее чёткой, чем у шотландцев, и характеризовалась более выраженным религиозным аспектом. Среди жителей Англии, ожидаемо, преобладало число истинных англичан, но именно этот регион показал и самый высокий процент тех, кто идентифицировал себя как британцев. Эта тенденция особенно заметна в крупных городах, отличающихся высоким уровнем интернационализации. Юго-западный регион Англии — Корнуолл — выделился значительной долей людей, выбравших опцию «другая национальность»[2].

Начиная с 1801 года, раз в 10 лет, в Королевстве проводятся переписи населения. Организацией и проведением переписей в 2011 и 2021/22 годах занимались Управление национальной статистики (ONS) в Англии и Уэльсе, Агентство статистики и исследований Северной Ирландии (NISRA) и Национальный архив Шотландии. В 2011 году анкета насчитывала 56 вопросов, в ней в отличие от переписи 2001 года появилась возможность заполнить её онлайн. Раздел «Этническая принадлежность» был расширен за счёт включения галочки «Цыган или ирландский путешественник», а также в разделе «Другая этническая группа» появились подгруппы «белый» и «араб», в то время как китайцы были объединены в категорию «британцы азиатского происхождения», которая ранее включала только этнические группы Южной Азии. Определённый прецедент сложился с жителями Корнуолла. В ходе переписи 2001 года около 37 000 человек зарегистрировали свою принадлежность к корнуольцам, вручную указав это в анкете, после чего прошло несколько компаний в поддержку самоидентификации жителей Корнуолла. Перед переписью 2011 года были созданы плакаты, на которых корнуольцам объяснялось, как они могут идентифицировать себя, написав это в разделах «Этническая принадлежность», «национальная идентичность» и «Основной язык». Но при этом в итоговом варианте переписи вновь не было варианта выбора корнуолльского языка в качестве национальной принадлежности.

Перепись 2011 года предоставила ценные сведения о демографических тенденциях, особенно касающихся изменения пропорций между «чёрным» и «белым» населением, а также увеличения миграционных потоков. Согласно этим данным, доля жителей Лондона, идентифицирующих себя как «белые британцы», сократилась до 45 % по сравнению с 58 % в 2001 году. Кроме того, столица продемонстрировала самую высокую концентрацию лиц, родившихся за пределами Великобритании (37 %), и неграждан (24 %), что

[2] Census: Cornwall Council encourages people to identify as Cornish. The BBC News. 2021. URL: https://www.stage.bbc.co.uk/news/uk-england-cornwall-56335265 (дата обращения 05.06.2026).

указывает на значительную интернационализацию её населения[3].

Что касается национальной идентификации «кельтских районов» то здесь сложилась весьма показательная картина. Почти две трети жителей Уэльса идентифицировали себя именно как валлийцы (66 %, 2,0 миллиона человек). В некоторых населённых пунктах эта цифра достигала 73 %[4]. 12 218 000 человек также сообщили, что считают себя и британцами. Причём это была первая перепись, где вообще появилась возможность выбрать вариант ответа «валлиец». В переписи 2001 года были предложены пункты «шотландец» и «ирландец», для валлийцев же предлагалось поставить «галочку» в поле «другие», а затем написать «валлиец». С учётом этого замечания, можно предположить, что реальный рост валлийской идентичности мог быть меньше, чем кажется по цифрам. Ситуация с валлийским языком была также непростая, несмотря на активную программу по возрождению и распространению, доля людей, которые могли говорить, читать и писать по-валлийски, сократилась на один процентный пункт с 16 % в 2001 году до 15 % в 2011 году.

В Северной Ирландии вопрос этнической и национальной идентичности один из самых «болезненных». Он тесно переплетён с религиозной, гражданской и политической идентичностями. В опросе для жителей Северной Ирландии им была предоставлена возможность заявить о себе как о британцах, ирландцах, североирландцах, англичанах, шотландцах или валлийцах. Две пятых жителей заявили о своей национальной принадлежности только как британцы, 25 % как ирландцы, 21 % — североирландцы. 6,2 % указали себя как «британцы и североирландцы», а 5 % респондентов указали национальную идентичность, отличную от британской, ирландской или североирландской[5].

В Шотландии цифра самоидентификации себя как «шотландцев» была самой высокой — 82,7 %. Особую роль в качестве критерия играло место рождения. Это означает, что статистика по национальной идентичности в значительной степени отражает не столько самоощущение, сколько миграционную историю. 94 % уроженцев Шотландии выбирали «шотландец» в качестве своей национальной идентичности самостоятельно или с другими идентичностями. При этом 62,4 % населения Шотландии заявили, что они «только шотландцы». (8,4 % населения заявили, что у них «только британская идентичность»)[6]. Такой «максимализм» был характерен преимущественно для молодёжи, чем старше были респонденты — чем выше был процент ответа «и шотландская и британская идентичность». Высокий процент «чистой» шотландской идентичности может быть связан с тем, что перепись проводилась в 2011 году — на пике популярности Шотландской национальной партии и за три года до референдума о независимости. В иной политической ситуации цифры могли бы быть ниже.

События сентября 2014 года, связанные с референдумом о независимости Шотландии, ярко продемонстрировали потенциальную угрозу распада Соединённого Королевства. На момент, когда премьер-министр Дэвид Кэмерон дал согласие на проведение голосования, доля сторонников шотландской независимости составляла лишь немногим более 20 % от общего числа жителей страны. Такая картина была вполне предсказуемой, поскольку основные приверженцы отделения концентрировались в самой Шотландии, в то время как большинство противников проживали в Англии. По данным переписи 2011 года, общая численность населения Великобритании составляла 63,2 миллиона человек, из которых 53 миллиона приходилось на Англию, и лишь 5,3 миллиона — на Шотландию[7]. Мало кто мог предположить, что запланированное голосование перерастёт из формальной процедуры в ожесточённое противостояние с непредсказуемым исходом до самого конца.

[3] Согласно Переписи-2011, в Лондоне проживает только 45 % белых британцев. Migrate Britain: Increase in foreign-born nationals living in England and Wales, census reveals. *The Mirror*. 2012. URL: https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/census-increase-in-foreign-born-nationals-living-1485830 (дата обращения 05.06.2026).

[4] 2011 Census: Key Statistics for Wales, March 2011. Office of National Statistics. 2012. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/bulletins/2011censuskeystatisticsforwales/2012–12–11#tab—-Ethnic-group-and-identity (дата обращения 05.06.2026)

[5] Russell, R. Census 2011: Key Statistics at Northern Ireland and LGD level. Northern Ireland Assembly, Research and Information Service. 2013. URL: http://www.niassembly.gov.uk/globalassets/documents/raise/publications/2013/general/russell3013.pdf (дата обращения 05.06.2026).

[6] Who feels Scottish? National identities and ethnicity in Scotland. Policy Scotland, University of Glasgow.. URL: https://policyscotland.gla.ac.uk/feels-scottish-national-identities-ethnicity-scotland/ (дата обращения 05.06.2026)

[7] National identity, England and Wales: Census 2021. Office of National Statistics. 2022. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/bulletins/nationalidentityenglandandwales/census2021 (дата обращения 05.06.2026).

Результаты референдума оказались не в пользу Шотландской национальной партии: 55 % проголосовавших высказались против отделения Шотландии, тогда как 45 % поддержали эту идею. Примечательно, что явка избирателей достигла рекордного уровня — 85 %[8].

Влияние Брекзита и новые вызовы

В последующие годы ситуация становилась всё запутанней. Дискуссии и политические процессы, сопутствующие выходу Соединённого Королевства из ЕС («Брекзит»), обострили все болезненные «точки», связанные с идентичностью и вновь породили всплеск национализма в регионах. По результатам проведённого референдума 51,89 % всех граждан проголосовало за выход из Евросоюза, 48,11 % — против. Но большинство жителей Северной Ирландии (55,8 %) и Шотландии (62 %) высказалось за сохранение членства в ЕС[9].

В Шотландии вновь активизировала деятельность ШНП, которая и без того находилась у власти и пользовалась значительной поддержкой электората. Новый Лидер ШНП Никола Стерджен заявляла о необходимости провести повторный референдум о независимости региона, так как Брекзит грозил крайне негативными последствиями для шотландской экономики [Охошин, 2019]. Вопрос о проведении повторного референдума несколько раз переносился в связи с пандемией COVID-19. Причём пандемия показала, что регионы успешно действовали практически самостоятельно, определяя систему мер профилактики и устанавливая локдауны. Наряду с ШНП в Шотландии к власти в Северной Ирландии пришла националистическая партия Шинн Фейн, а в Уэльсе значительно усилила свои позиции партия Плайд Камри. Судьбу повторного шотландского референдума решил Верховный суд Королевства, который 23 ноября 2022 года принял решение о его незаконности. Очень скоро в самой Шотландии вспыхнул политический скандал, который привёл к смене партийной верхушки и споры вокруг референдума пока приутихли. Но вряд ли замолчали окончательно.

В 2021 году пришло время для очередной переписи населения, которая в отличие от двух предыдущих (в XXI веке) проводилась преимущественно онлайн. В Англии, Уэльсе и Северной Ирландии она была проведена 21 марта 2021 года, а перепись населения Шотландии из-за пандемии состоялась 365 днями позже, 20 марта 2022 года. Всего в анкете был 51 вопрос. Один из сложнейших вопросов звучал так: как бы вы описали вашу национальность? «Представляете, я сам не знал, как мне ответить на этот вопрос, потому что это не только вопрос самоопределения, но и, по сути, политическое заявление. Я юнионист, то есть я за единство Соединённого Королевства, но в то же время я уважаю шотландскую, корнуэльскую, английскую самоидентификацию», — сказал профессор российской и европейской политики в Кентском университете Ричард Саква [Sakwa, 2022].

Итоги были следующие: 90,3 % (53,8 млн) жителей идентифицировали себя по крайней мере с одной национальной идентичностью Великобритании (англичанами, валлийцами, шотландцами, североирландцами, британцами и корнуольльцами); это небольшое снижение по сравнению с 92,0 % (51,6 млн) в 2011 году. Конечно снижение доли «британских» идентичностей может быть отчасти связано с тем, что перепись 2021 года впервые проводилась онлайн, что способствовало большей откровенности респондентов, а не только с реальным ростом небританских идентичностей Люди, которые идентифицировали себя по крайней мере с одной британской и одной небританской идентичностью, составляли 2,0 % от общей численности населения (1,2 миллиона человек) в 2021 году; это увеличение с 0,9 % (492 000) в 2011 году. Те, кто выбрал небританскую идентичность, составляли всего 9,7 % от общей численности населения (5,8 млн человек), что является увеличением по сравнению с 8,0 % населения (4,5 млн человек) в 2011 году. 83 % жителей Шотландии идентифицировали себя как шотландцы. В совокупности число людей, описывающих свою национальную идентичность либо только как «англичане», либо только «британцы», сократилось с 76,8 % (43,0 млн) в 2011 году до 69,7 % (41,6 млн) в 2021 году. В Уэльсе «валлиец» оставался первым вариантом ответа на вопрос о национальной идентичности, как и в 2011 году. Число людей, выбирающих «британец» только в качестве своей национальной идентичности, также выросло

[8] Scottish Social Attitudes 2015: Technical Report. ScotCen Social Research. 2016. URL: https://www.gov.scot/publications/scottish-social-attitudes-2015-technical-report/ (дата обращения: 05.06.2026).

[9] EU referendum: The official result. The Electoral Commission. 2016. URL: https://cf-www.electoralcommission.org.uk/media-centre/official-result-eu-referendum-declared-electoral-commission-manchester (дата обращения: 05.06.2026).

в Уэльсе с 16,9 % (519 000) в 2011 году до 18,5 % (574 000) в 2021 году[10].

Ситуация с корнуолльцами опять была непростая. Им снова не предоставили возможность выбора национальности. «Корнуоллец» можно было указать через отметку «другие». В Корнуолле: 14,0 % (80 000) населения выбрали «корнуоллскую» идентичность (рост с 9,9 % в 2011 году). 1,6 % (9 000) населения выбрали «корнуоллскую» в сочетании с «британскою» идентичностью (рост с 1,0 % в 2011 году). За пределами Корнуолла: 11 000 человек (0,02 % жителей) выбрали либо только «корнуоллскую» идентичность, либо «корнуоллскую» идентичность в сочетании с «британской» (рост 0,01 % в 2011 году)[11]. Среди тех, кто описал национальную идентичность за пределами «британских», наиболее распространённым ответом был — «поляк» (1,0 %, 593 000); это был наиболее распространённый ответ и в 2011 году (1,1 %, 593 000). Только «румынская» была второй по распространённости небританской национальной идентичностью, увеличившись до 0,8 % (477 000) в 2021 году с 0,1 % (73 000) в 2011 году, что является наибольшим увеличением для любой небританской национальной идентичности. Другие распространённые небританские идентичности включают «индийскую» (0,6 %, 380 000), «ирландскую» (0,5 %, 300 000) и «итальянскую» (0,5 %, 287 000)[12]. Ощутимо снизилось количество «белого населения». Так, около 81,7 % жителей Англии и Уэльса назвали себя белыми в день переписи 2021 года, по сравнению с 86 % десятилетием ранее. В группе, идентифицирующей себя как белую, 74,4 % заявили, что они «англичане, валлийцы, шотландцы, североирландцы или британцы», по сравнению с 80,5 % в 2011 году и 87,5 % в 2001 году. Второй по распространённости этнической группой были «азиаты, британцы азиатского происхождения или валлийцы азиатского происхождения» — 9,3 %, по сравнению с 7,5 % в 2011 году[13]. Что касается вероисповедования, то, согласно переписи, Англия и Уэльс теперь являются странами христианского меньшинства, а Лестер и Бирмингем стали первыми британскими городами, в которых большинство жителей принадлежат к нацменьшинствам[14].

Выводы

Размышляя о причинах передачи этнической самоидентификации, британские исследователи нередко отмечают, что этничность может не иметь отчётливой социально-структурной основы, сохраняясь в самосознании. Чувство этнической идентификации как таковое, как непосредственный компонент сознания не основывается ни на каком социально-политическом базисе: этническая идентичность передаётся в процессе социализации. Если этническая идентичность составляет значительный компонент самоидентификации у родителей, очень вероятно, что это чувство перейдёт к детям. Но если чувство этнической идентичности в дальнейшем не соответствует каким-то явлениям сугубо личного социального опыта индивида, которые укрепляли бы этнические чувство, если в обществе нет этнокультурной дискриминации при распределении социальных ролей, занятости, размеров доходов, может случиться так, что данное чувство будет ослабевать в следующих поколениях. Социально-структурный фактор при длительном воздействии всё-таки очень значим для сохранения или ослабления чувства этнической идентичности [Rex, Moore, 1967].

Что же относительно британского опыта, то здесь можно отметить спорные результаты. Очевидно, что период с середины XX века до настоящего времени стал, с одной стороны, кризисом этнической и национальной идентичности, с другой — новым вызовом для привычных моделей коллективной идентичности. Деволюция как конституционный механизм смягчения противоречий между «центром» и «национальными регионами» предусматривала распутывание в основном политических и финансово-экономических «узлов». Вопрос же этнической и национальной идентификации гораздо более сложный, так как касается многих пластов связанных с исторической памятью, культурой, языком, религией и социализацией. Концепция

[10] National identity, England and Wales: Census 2021. Office of National Statistics. 2022. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/bulletins/nationalidentityenglandandwales/census2021 (дата обращения 05.06.2026).

[11] Ibid.

[12] Ibid.

[13] Proportion of Britons describing themselves as white falls. The Daily Mail. 2022. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-11480799/Census-results-2021-Data-maps-religion-ethnicity-England-Wales.html (дата обращения 05.06.2026).

[14] England and Wales now minority Christian countries, census reveals. The Guardian. 2022. URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2022/nov/29/leicester-and-birmingham-are-uk-first-minority-majority-cities-census-reveals (дата обращения 05.06.2026).

мультикультурализма стала подвергаться обоснованной критике, т. к. не разрешила окончательно проблем связанных с национализмом, сепаратизмом и сегрегацией. Её реализация на практике не привела ни к налаживанию отношений между титульной нацией и этническими меньшинствами, ни к формированию единого чёткого описания идей и ценностей, составляющих национальную идентичность.

Современная Великобритания переживает заметный кризис национальной идентичности, проявляющийся в том, что жители её регионов всё сильнее ассоциируют себя с локальной этнической принадлежностью, а не с общебританской. В Уэльсе, несмотря на усиление позиций партии Плайд Камри и рост валлийской самоидентификации, сохраняется пока ещё относительно устойчивая поддержка союза с Великобританией по сравнению с Шотландией. Важным фактором, сдерживающим центробежные тенденции в кельтских регионах, является их финансовая зависимость от субсидий из Лондона. Однако в условиях глобальной турбулентности способность Лондона эффективно управлять региональной ситуацией становится неочевидной. Этот пример демонстрирует, что даже общества с развитыми демократическими институтами и традициями, такие как Соединённое Королевство, всё чаще сталкиваются с новыми вызовами и проблемами, в основе которых лежит сложный вопрос национальной и этнической самоидентификации.

Список литературы

1. Липкин М. А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории : сборник ; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо–Маклая РАН ; под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007. С. 122–124.

2. Охошин О. В. Шотландия между Великобританией и ЕС на фоне Брекзита // Современная Европа. 2019. № 6. С. 57–67.

3. Харитонова Е. М. Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии // Политическая наука. 2016. № 1. С. 224–235.

4. Bryant C. The Nations of Britain. Oxford: Oxford University Press, 2010. 316 p.

5. Condor S., Gibson S., Abell J. English identity and ethnic diversity in the context of UK constitutional change // Ethnicities. 2006. Vol. 6, iss. 2. Pp. 123–150.

6. Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Transaction Publishers, 1999. 361 p.

7. Jivraj S., Simpson L. Ethnic identity and inequalities in Britain. The dynamics of diversity. Bristol: Policy press, 2015. 250 p.

8. McCrone D., Bechhofer F. Understanding national identity. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 226 p.

9. Parekh B. The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain. L.: Profile, 2000. 256 p.

10. Rex J., Moore R. Race, Community and Conflict: A Study of Sparkbrook. London: Oxford University Press, 1967. 304 p.

11. Sakwa R. Global Britain: An Archaic Project That May Bring Global Nuclear War, 2022. URL: https://larouchepub.com/eiw/public/2022/eirv49n09–20220304/eirv49n09–20220304_018-interviewprofessor_richard_sakwa.pdf (дата обращения 05.06.2026).

References

1. Lipkin MA. Twenty-first Century Greenwich Mean Time: Britain's Search for a Post-Imperial Identity. In: Nacionalizm v mirovoj istorii = Nationalizm in World History: collection of works. Institute of ethnology and anthropology named after NN. Mikluho-Maklay RAS; ed. by VA. Tishkov, VA. Shnirelman. Moscow: Nauka, 2007. Pp. 122-124. (In Russ.).

2. Ohoshin OV. Scotland between the UK and the EU amid Brexit. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*. 2019;(6):57-67. (In Russ.).

3. Haritonova EM. The dynamics of national and ethnic identities in contemporary Britain. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2016;(1):224-235. (In Russ.).

4. Bryant C. The Nations of Britain. Oxford: Oxford University Press; 2010. 316 p.

5. Condor S, Gibson S, Abell J. English identity and ethnic diversity in the context of UK constitutional change. *Ethnicities*. 2006;6(2):123-150.

6. Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Transaction Publishers; 1999. 361 p.

7. Jivraj S, Simpson L. Ethnic identity and inequalities in Britain. The dynamics of diversity. Bristol: Policy press; 2015. 250 p.

8. McCrone D, Bechhofer F. Understanding national identity. Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. 226 p.

9. Parekh B. The Future of Multi-Ethnic Britain: Report of the Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain. L.: Profile; 2000. 256 p.

10. Rex J, Moore R. Race, Community and Conflict: A Study of Sparkbrook. London: Oxford University Press; 1967. 304 p.

11. Sakwa R. Global Britain: An Archaic Project That May Bring Global Nuclear War, 2022. URL: https://larouchepub.com/eiw/public/2022/eirv49n09-20220304/eirv49n09-20220304_018-interviewprofessor_richard_sakwa.pdf (accessed: 05.06.2026)

Информация об авторе

И. Е. Напалкова — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Information about the author

I. E. Napalkova — Candidate of Historical Sciences and Associate Professor at the Department of History and Law at the South Ural State Humanitarian Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Для обработки текста статьи были использованы инструменты больших генеративных моделей.
Модель и версия: https://chat.deepseek.com/
Сценарий использования: поиск ошибок, опечаток, редактирование текста; проверка оформления сносок, списка литературы и references на соответствие требованиям; составление аннотации

Large generative model tools were used to process the article's text.
Model and version: https://chat.deepseek.com/
Use scenario: error and typo detection, text editing; checking the formatting of footnotes, bibliography, and references for compliance; abstract writing

Статья поступила в редакцию 25.03.2026; одобрена после рецензирования и принята к публикации 13.05.2026.

The article was submitted 25.03.2026; approved after reviewing and accepted for publication 13.05.2026.